

ДОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Н.Ю. МАСОЛИКОВА, М.Ю. СОРОКИНА

РУССКИЙ АПОСТОЛ БРАЗИЛИИ: ЕЛЕНА АНТИПОВА

1892–1974

Москва
Дом русского зарубежья
имени Александра Солженицына
2018

УДК 929
ББК 63.3(2)6-4
М-319

Содержание

Серия «Русское зарубежье в лицах»
Основана в 2018 г.

Ответственный редактор серии:
М.Ю. Сорокина

На обложке:
Е.В. Антипова. 1924

На авантитуле:
Е.В. Антипова. 1924

Дизайн серии:
К.Е. Журавлев

ISBN 978-5-98854-067-0

Предисловие	7
Русские ученые в Латинской Америке	10
Русский старт	15
Отец	19
Одноклассницы: «Где мы и с кем мы»	24
Европа: люди и институты	
Париж	37
Женева	41
Старые связи, новые карьеры	
Муж и сын	46
Вятка — Петроград	49
«Этот славный покровитель, замечательный Клапаред»	61
«Борьба за каждого живого»	76
Литература	92

© Н.Ю. Масоликова, 2018
© М.Ю. Сорокина, 2018
© Оформление. ГБУК «Дом русского зарубежья
имени Александра Солженицына», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все народы имеют своих национальных героев. Еще недавно эту галерею составляли в основном воинственные правители, убеленные сединами политики, статные военные, красавцы в мундирах и орденах, и редко — просветители, гуманисты, медики, учителя. Новое время и XX век особенно открыли, однако, что близорукие интеллигенты могут изменять человечество и каждого человека в отдельности значительно глубже, чем войны и походы. Так, у Швейцарии есть выдающийся педагог-гуманист Иоганн-Генрих Песталоцци (1746–1827), у Польши — известный педагог и писатель Януш Корчак (1878–1942), у Германии — замечательный врач и философ Альберт Швейцер (1875–1965).

У России и русского зарубежья¹ тоже есть свои святые и «несвятые» подвижники, несшие в мир добро, знания и гуманизм, в их числе — детский психолог Елена Владимировна Антипова (1892–1974). Дочь царского генерала, жена писателя, вы-

¹ Так традиционно называется значительная группа российских соотечественников, оказавшаяся в вынужденной эмиграции после большевистской революции 1917 г.

сланного из большевистской России в 1922 г. на «философском пароходе», сама вынужденная покинуть страну в 1924 г., в период эмиграции она была ведущим исследователем крупнейшего мирового центра исследований детства — Института Жан-Жака Руссо в Женеве. С 1929 г. и до конца жизни Е.В. Антипова работала в Бразилии, став одним из лидеров психологии как науки и профессии в этой стране. В экстремальных для русского человека природных и социально-культурных условиях, сочетая исследовательскую работу в психологических лабораториях с применением новых методик непосредственно в образовательных учреждениях, она создала систему психолого-педагогической поддержки одаренных детей и детей с особенностями развития, которая продолжает эффективно работать и в наши дни.

«Дона Элена, сухая, аскетичная, похожая на колосок. Слабая женщина и сильная славянка, разрушительница всех стереотипов — близорукая интеллектуалка с потрясающей прозорливостью, эта (вечно с головной болью!) бразильянка... из Санкт-Петербурга и конструктор детских душ, апостол женского рода, ниспосланный нам из российского поднебесья, — она сама была лучшим примером того “созидательства”, которому учила, которое проповедовала самой жизнью своей», — так описывал Елену Антипову известный бразильский писатель Отто Лара Резенде.

Заслуги Елены Владимировны получили высокое государственное признание в Бразилии — она

Награды Е.В. Антиповой в Бразилии

удостоена звания почетного гражданина одного из самых крупных и богатых штатов страны Минас-Жерайс, титула «Мать года», ордена Южного Креста, медали «За заслуги в области образования» (вручена лично президентом Бразилии). Здесь много десятилетий активно действует образовательный фонд ее имени (Foundation Helena Antipoff), Центр истории психологии и документации им. Елены Антиповой при Федеральном университете Минас-Жерайс, на португальском языке издано пять выпусков ее научных работ и материалов общественных инициатив.

Русские ученые в Латинской Америке

В первых числах августа 1929 г. в бухту Рио-де-Жанейро (Бразилия) вошел итальянский трансатлантический лайнер «Юлий Цезарь» — один из лучших океанских кораблей своей эпохи. Двести метров в длину и двадцать пять метров в ширину, «Юлий Цезарь» был построен на верфи в Англии и отправился в свой первый рейс в 1922 г. Через три года, с 1925 г., он начал совершать регулярные переходы из Европы в Южную Америку, перевозя на своем борту более тысячи восьмисот пассажиров, размещавшихся в четырех классах. Среди них было немало эмигрантов, пересекавших Атлантический океан в поисках лучшей доли. Так, именно на этом пароходе в январе того же 1929 г. в порт Буэнос-Айреса (Аргентина) прибыла итальянская эмигрантка Роза Бергольо, бабушка будущего Папы Римского Франциска — первого понтифика из Латинской Америки, избранного на папский престол в 2013 г.

Среди пассажиров «Юлия Цезаря», после двухнедельного морского перехода бросившего якорь в Рио-де-Жанейро, находилась и другая женщина-эмигрантка — русская по происхождению, научная сотрудница женеvского Института Жан-Жака Руссо. Она приехала в Бразилию по временному контракту с правительством штата Минас-Жерайс, которое проводило в это время образовательную реформу. В тот момент еще никто не мог предположить, что

Памятник Е.В. Антиповой. Ибирите, Бразилия.

Фото М.Ю. Сорокиной

недавняя жительница Санкт-Петербурга останется в Бразилии навсегда, что благодаря ее усилиям тысячи бразильских учителей, врачей и психологов овладеют современными профессиональными знаниями в области коррекционной педагогики и психологии, а на место биомедицинской модели лечения «дефективных» и «умственно отсталых» придет гуманистическая парадигма обучающего развития и поддержки «людей с исключительными способностями». Небольшое, казалось бы, изменение терминологии в реальности означало настоящий переворот в представлениях и отношении бразильского общества к «другим» и «особенным». В ответ благодарные бразильцы поставят Елене Владимировне Антиповой, Helena Antipoff, памятник —

единственный в этой стране и во всей Латинской Америке памятник женщине-ученому, создадут ее мемориальный музей, назовут ее именем университетскую кафедру и будут тщательно изучать и использовать ее научное наследие.

Россия и Бразилия насчитывают уже более 200 лет истории дипломатических, экономических и культурных взаимоотношений. Их становление начиналось еще в первой половине XIX в., когда немногочисленным русским мореплавателям, дипломатам и ученым удавалось добираться до далекой заокеанской страны. В XX в. поток россиян в страны Латинской Америки существенно увеличился в связи с расширением экономической деятельности, а также под воздействием революционных катаклизмов, потрясших Россию.

Среди россиян, эмигрировавших в Южную Америку до и после Русской революции 1917 г., было немало научных специалистов. Так, еще в конце XIX в. в Аргентине и Бразилии активно работали ботанико-географ и путешественник Н.М. Альбов (1866–1897) и известный энтомолог и селекционер, корреспондент академика Н.И. Вавилова М.Ф. Бондарь (1881–1959). Латиноамериканские государства оказались для многих российских ученых не только временным убежищем, но местом сохранения и преумножения своего научного потенциала. В отличие от некоторых европейских коллег, утративших в изгнании после революционных потрясений 1917 г., Гражданской и Второй мировой войн свой высокий социальный

и профессиональный статус, в Аргентине и Бразилии, Чили и Парагвае, Венесуэле и Перу немало российских ученых стали основоположниками научных школ, основателями институтов и лабораторий в самых разных областях научного знания. В Аргентине активно работали геологи Г.Г. Гагарин (1912–1950) и А.М. Пятницкий (1880–1960), палеонтолог и биолог С.Д. Болтовской (1912–1997), зоологи К.И. Гаврилов (1908–1982) и Н.И. Кузнецов (1897–1963), энтомолог князь С.С. Шаховской (1903–1974). В Уругвае — индолог-санскритолог профессор Николай Алтухов (1912–1983). В Парагвае большая группа русских военных инженеров и математиков во главе с И.Т. Беляевым (1875–1957) и С.Л. Высоколяном (1895–1986) стала родоначальницей местной национальной инженерной школы. В Бразилии и Чили оставили богатое научное и культурное наследие ботаник-систематик Б.В. Скворцов (1896–1980), энтомолог и герпетолог Ц. Воронцов-Дашков, геолог Б.В. Бражников (1904–1988), астроном А.И. Постоев (1900–1976), физик-теоретик Г.В. Ватагин (1899–1986), электрохимик А.И. Глазунов (1888–1951), физиолог, антрополог, этнолог А. Липшуц (1883–1980), филолог Б.И. Шнайдерман (1917–2008) и многие другие. Их богатый организационный и научный опыт был особенно востребован в первой половине XX в., когда многие страны Латинской Америки начинали реформировать свои образовательные структуры и развивать научный и промышленный потенциал. В таких социальных условиях для образо-

ванных специалистов открывались значительные возможности для профессионального роста и карьерного развития.

Но даже на этом фоне случай психолога Елены Антиповой выглядит особым. Приехав в Бразилию тестировать (и учить этому других), отсеивая неспособных и выявляя одаренных детей, она изменила поставленные перед ней прямолинейные задачи отбора и пошла дальше, окрашивая и расширяя их гуманистическим контекстом и профессиональной приверженностью идее компенсаторного обучения. В условиях различных бразильских политических режимов русский психолог сумела личным примером и высокопрофессиональной работой убедить власть и общество, церковь и благотворительные организации, чиновников, коллег и родителей в возможности и необходимости создания образовательных условий для роста и развития всех членов общества, в том числе, а может быть и прежде всего, «отстающих».

За полвека работы в Бразилии Е. В. Антипова стала основателем множества образовательных институтов самого различного уровня — от кафедр психологии в университетах штатов Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро до сети сельских учебных учреждений для детей с особыми потребностями. Наследница идей великого швейцарского гуманиста Иоганна Генриха Песталоцци о развивающем обучении и поддержке социально незащищенных слоев населения, прежде всего детей, Елена Антипова не только предложила обществу

свой личный психолого-педагогический проект, но и сумела воплотить его, добившись создания в 1940 г. в городке Ибирите (недалеко от города Белу-Оризонти, столицы штата Минас-Жерайс) интегративного образовательного комплекса «Фазенда до Розарио». Здесь на вполне рациональных научных началах оказалась реализована русская социальная утопия — мечта о таком лучшем, а главное, справедливом устройстве общества, при котором все его члены имеют равные возможности для своего развития и благоденствия. «Фазенда до Розарио» была и остается по сей день огромной светской образовательной общиной, пространство которой открыто для всех типов человеческой нестандартности.

Русский старт

«Русский старт» Елены Владимировны, вобравший в себя семейные архетипы, петербургскую культурную атмосферу Серебряного века и лучшие гуманистические традиции российского психолого-педагогического сообщества, многое определил в ее профессиональной работе в будущем. Традиции, приоритеты и ценности семьи, отношения, контакты и связи социальной и культурной среды, сформированные в юношеские годы, сопровождали ее всю жизнь и, невзирая на межконтинентальные перемещения, активно влияли на гуманистическую позицию ученого.

Е.В. Антипова родилась 25 марта (7 апреля) 1892 г. в г. Гродно Минской губернии, которая тогда входила в состав Российской империи. Здесь стоял полк ее отца — Владимира Васильевича Антипова (1862–1927), в то время офицера 101-го пехотного Пермского полка Виленского военного округа.

Владимир Антипов был уроженцем одной из западных губерний Российской империи — Лифляндской и происходил из семьи русских купцов второй гильдии, жившей на балтийском побережье — в Риге. Первый известный представитель рода Антиповых платил налоги в Риге уже с 1791 г.! На протяжении всего XIX в. они вели здесь купеческие дела и активно участвовали в благотворительной деятельности русских рижан.

Рига и Лифляндская губерния, завоеванные царем Петром I (1672–1725) в 1710 г., были окончательно присоединены к Российской империи по Ништадтскому мирному договору 1721 г. и привлекали в свои пределы многих экономически активных жителей Российской империи. Собственно русское население края составляло поначалу небольшое число чиновников, военные и беглые староверы. Но со времен правления императрицы Екатерины II (1729–1796), когда в Риге были введены три купеческие гильдии, в которые могли записываться все желающие — и русские, и латыши, и немцы, занимавшиеся торговлей и готовые платить налоги, в Лифляндии уже насчитывалось около 100 русских купцов.

Среди них были и Антиповы. Родоначальник династии купец третьей гильдии Ларион Антипов

Фамильное захоронение Антиповых на Покровском кладбище в Риге (Латвия). Фото С.Н. Ковальчук

имел рижское гражданство, обладал минимальной для купца этой гильдии суммой состояния — от 1000 до 5000 рублей — и платил ежегодно гильдейский взнос в размере 1% от общего капитала. Таким образом, семья, членами которой кроме Лариона были его жена Анна Ивановна, урожденная Пуговишникова, и сыновья Андрей и Василий, прочно обосновалась в Риге с конца XVIII в. и вошла в деловое балтийско-немецкое сообщество Лифляндии.

После кончины Лариона Антипова в 1827 г. его торговое дело перешло в руки старшего сына

Андрея, который в тот же год становится купцом второй гильдии. «Книга домовладений Риги» на 1832 г. фиксирует три владения Антиповых в городе и подтверждает, что они жили в пределах престижного Петербургского форштадта Риги. «Книга купцов второй гильдии» на 1841 г. показывает как самостоятельного купца не только Андрея Антипова, но и его брата Василия (1802–1867), деда Елены Владимировны. В том же 1841 г. он обвенчался с Аполлиной Николаевной, урожденной Акимовой, ставшей матерью семерых детей — сыновей Николая, Александра, Константина, Михаила, Владимира и дочери Веры². К 1857/58 г. Антиповы обрели очень престижное потомственное почетное гражданство Риги.

Последние упоминания купеческой семьи Антиповых в известных рижских архивах относятся к началу 1880-х гг. Девяносто лет они прожили в Риге, что типично для многих купеческих семей этого города. Как правило, их третье и четвертое поколения уходило в иные сферы деятельности. И действительно, архивы пока не дают ясных ответов на вопросы о рижской собственности и о дальнейшей судьбе купеческого дела Антиповых в Риге за пределами XIX в.

Отец Е. В. Антиповой Владимир Васильевич Антипов, младший сын в семье, не пошел по стопам родителей, а избрал военную карьеру. Он родился 12 марта 1862 г. и был крещен в рижском православном Александро-Невском храме. В метрической книге записано: «Сын потомственного почетного гражданина, второй гильдии купца Василия Илариона Антипова и законной жены его Аполлины Николаевны, оба православные. Восприимниками из купели были сын потомственного почетного гражданина, 2-й гильдии купца Василия Илариона Антипова — Николай Васильев и отставной подполковник Франц Орновский и его жена Эльфрида Казимировна Орновская. Обряд крещения совершил протоиерей Василий Спирихин в храме Благоверного князя Александра Невского в Риге».

По окончании рижской Александровской гимназии в сентябре 1880 г. Владимир Антипов поступил во 2-е военное Константиновское училище в Санкт-Петербурге, готовившее офицеров пехоты. Как раз в годы его учебы в этом училище в России происходили важнейшие политические изменения. После того как 1 марта 1881 г. народовольцами был убит царь-освободитель Александр II (1818–1881), на престол вззошел император Александр III (1845–1894) и началась эпоха, получившая наименование контрреформ.

² Еще один мальчик скончался в младенчестве.

Однако она, кажется, почти не коснулась офицерской карьеры В. В. Антипова. Он окончил училище в августе 1882 г. с производством в подпоручики и начал службу в 101-м пехотном Пермском полку, входившем в состав 26-й пехотной дивизии и стоявшем в г. Гродно. Полк особенно отличился в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., когда входил в состав Рушукского отряда, которым командовал в те годы наследник цесаревич великий князь Александр Александрович — будущий император Александр III. За эту кампанию полк получил георгиевское знамя.

С января 1889 г. поручик Владимир Антипов уже командовал ротой. Занятие такой ответственной должности, сопряженной с заботой о десятках солдатских жизней и разнообразном ротном хозяйстве, всего лишь на седьмом году службы в офицерских чинах — безусловный признак доверия со стороны начальства. После производства в штабс-капитаны в августе 1891 г. Антипов был утвержден в должности ротного командира, и, казалось, его дальнейшая карьера ясна и не сулит особых перспектив. Но 20 февраля 1894 г. он получил свой первый орден — Святого Станислава 3-й степени — и в том же году решил круто изменить ход своей служебной карьеры — попробовать поступить в Николаевскую академию Генерального штаба. Поступок этот был решительным и резким, ибо основная масса кандидатов пыталась поступить в академию в первые годы своей службы, через три года обязательного строевого ценза. Решавшихся

на такой шаг на втором десятке лет службы — единицы.

Возможно, этот крутой взлет стимулировала семья — женитьба Владимира Васильевича «на дочери полковника Стоянова, девице Софии Константиновне» и появление первенца — дочери Елены 25 марта 1892 г. Затем сестер, как в классической пьесе П. П. Чехова, станет трое — 28 апреля 1895 г. родится Зинаида, 12 октября 1904 г. — Татьяна.

В 1898 г. В. В. Антипов окончил Николаевскую академию Генерального штаба, где его однокашниками было немало выдающихся в будущем русских военачальников, в частности военный теоретик, географ и востоковед генерал-лейтенант Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937), один из создателей русской военной разведки и контрразведки Николай Степанович Батюшин (1874–1957). Но пожалуй, самым известным сокурсником В. В. Антипова стал капитан 2-й артиллерийской бригады, а впоследствии один из лидеров Белого движения генерал Антон Иванович Деникин (1872–1947).

В 1899 г. причисленный к Генеральному штабу капитан Владимир Антипов назначается на службу в столичный Петербургский военный округ, где и прослужит следующие полтора десятка лет. В июле 1902 г. он производится в чин подполковника и назначается старшим адъютантом штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в апреле 1906 г. В. В. Антипов становится полковником Генерального штаба, а в июле 1907 г. назначается начальником Санкт-Петербургского пехотного юн-

керского училища. На его плечи ложится забота о четырехстах юношах — будущих офицерах. Под началом В. В. Антипова училище переходит в подчинение Главного управления военно-учебных заведений и в мае 1910 г. получает новое имя — Владимирское военное училище — в память великого князя Владимира Александровича, главнокомандующего войсками гвардии и Петербургским военным округом. С этого момента погоны и эполеты чинов училища украсит его вензель.

Начало Первой мировой войны В. В. Антипов встретил в чине генерал-майора. Перестроив работу училища на военный лад, Владимир Васильевич сам отправился на театр военных действий и 25 января 1915 г. получил в командование бригаду 63-й пехотной дивизии. Великая война стала для него первой, ранее В. В. Антипов в боевых действиях участия не принимал. 18 апреля 1915 г., за день до начала широкомасштабного австро-германского наступления на русском фронте (так называемый Горлицкий прорыв), Владимир Васильевич принимает командование всей дивизией, которой вскоре предстояло пережить трагическое отступление под натиском превосходящего противника. Генерал А. И. Деникин вспоминал об этих днях: «Ни патронов, ни снарядов. Изю дня в день кровавые бои, изю дня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость — физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная жуть...»

В мае 1915 г. В. В. Антипов назначается начальником штаба 2-го гвардейского корпуса, и на его

долю выпадает трудная задача восстановления русских гвардейских частей и подготовки их к кампании 1916 г. Еще через год Владимир Васильевич — командующий 36-й пехотной дивизией, входившей в состав 13-го армейского корпуса, первый состав которого практически целиком погиб в самом начале войны, во время катастрофы 2-й русской армии генерала А. В. Самсонова в Восточной Пруссии. Во главе этой дивизии генерал-майор В. В. Антипов пережил крушение Российской империи в феврале–марте 1917 г. и в апреле 1917 г. был назначен командиром 19-го армейского корпуса с производством в генерал-лейтенанты. В этой должности он был тяжело ранен и отправлен в тыл, откуда перебрался с помощью дочери к родственникам в Крым, где и оставался до самой своей кончины в 1927 г.

Роль отца и семьи была очень значительной в жизни Елены Антиповой. Его судьба — незаурядного офицера, военного педагога, упорной службой и настойчивостью достигшего высших командных должностей, — всегда служила для нее нравственным камертоном. Весь семейный круг Антиповых — это люди, чьи профессиональные успехи достигались благодаря личным достоинствам и неустанным трудам. Здесь ценили целеустремленность и упорство в достижении цели, верность отечеству и присяге.

Одноклассницы: «Где мы и с кем мы»

Дом, в котором семья Антиповых жила в самом центре Северной столицы, на Знаменской, 23 (ныне ул. Восстания), один из примеров архитектурного модерна, был построен по проекту архитектора Б. Я. Зонна в 1900 г. Он сохранился. Неподалеку от него, на Моховой, 27, располагалась частная женская гимназия Любоми Степановны Таганцевой. Она пользовалась репутацией одной из самых либеральных по духу и лучших по уровню образования гимназий Петербурга начала XX в. Здесь Нелли Антипова (домашнее имя Елены Владимировны) познакомилась с другой Россией — не менее преданной родине, но мыслившей и действовавшей по-иному.

Учредительница и начальница гимназии — Любовь Степановна Таганцева (1843–1915), родная сестра правоведа, сенатора и члена Государственного совета Николая Степановича Таганцева (1843–1923), была также незаурядной женщиной. Многие годы она мечтала о собственной школе и, открыв ее в 1883 г., вкладывала в развитие учениц всю душу и знания. Внешний облик и стиль поведения Таганцевой запомнились одной из учениц — И. Э. Еленевской: «Небольшого роста, с правильными чертами лица и гладко, на прямой пробор причесанной головой, она держала себя с таким достоинством, что производила подчас

Дом на Знаменской улице, 23 (ныне ул. Восстания) в Санкт-Петербурге, где семья Антиповых жила в начале XX в.

Фото М.Ю. Сорокиной

величественное впечатление. Ходила она очень быстро, скользя в своих прунелевых сапожках по всегда отлично начищенному коридору. Иногда во время урока дверь тихо отворялась и на ее пороге появлялась ее прямая фигурка. Сразу все в классе подтягивались, начиная с учителя и классной дамы и кончая самой отчаянной шалуньей в классе». Читая эти строки, так и кажется, что написаны они и о Елене Антиповой, настолько ученица впитала дух и стиль своих гимназических учителей.

Л. С. Таганцева сама отбирала педагогов гимназии и учебные программы, делая акцент на гума-

нитарных предметах, русской литературе и истории. В течение многих лет педагогический совет гимназии возглавлял известный историк-медиевист, профессор Петербургского университета И. М. Гревс (1860–1941), здесь преподавали академик А. С. Лаппо-Данилевский, историки Я. Л. Барсков и О. А. Добиаш и многие другие представители российской академической элиты. Под их влиянием многие выпускницы гимназии избрали своим поприщем гуманитарные дисциплины и литературу, среди них — Лидия Корнеевна Чуковская (1907–1996), Мария Сергеевна Платонова (1897–1942), Раиса Ноевна Блох (1899–1943), Лидия Алексеевна Алексеева (1909–1989) и др.

Таганцевская гимназия, стоимость обучения в которой была весьма высокой, отличалась не только уровнем преподавания и гуманитарным уклоном, но и составом родителей и учениц. В поисках хорошего образования сюда отдавали своих дочерей многие высокопоставленные гражданские чиновники и военные имперской столицы, в то же время здесь было немало девочек из семей «новых русских» — успешных предпринимателей и интеллигенции, в том числе еврейского происхождения, и даже учившихся на стипендии дочерей рабочих. Этот удивительный на первый взгляд социальный симбиоз отражал и менявшийся состав новой петербургской городской элиты, и вызовы времени, и личную позицию начальницы гимназии. Но объективно он стимулировал атмосферу разнообразия и толерантности, которые в сочетании с

утверждением образования и знаний как абсолютных ценностей были приоритетами гимназии.

По свидетельству многих мемуаристок, в Таганцевской гимназии царила атмосфера дисциплины и дух критики. Уже с 6-го класса гимназисткам читались лекции, а не велись уроки; они чувствовали себя слушательницами высших курсов, чему способствовало появление в программе таких предметов, как психология, начала юридических наук, высшая математика. Кроме того, девушки были в курсе всех литературных, театральных, выставочных и музыкальных событий в Петербурге. Неслучайно многие из них нашли себя в искусстве и науке, а героиня эпопеи Александра Солженицына «Красное Колесо» Наташа Аничкова училась именно у Л. С. Таганцевой.

Начальница гимназии поощряла личный контакт между преподавателями и ученицами — они здоровались за руку, каждое Рождество в гимназии устраивалась елка «с программой»: ставились сценки из классиков, ученицы декламировали, играли на рояле, и эта программа готовилась при участии учителей. Особое внимание Таганцева уделяла старшим гимназисткам, с которыми часто беседовала об их будущем. Гимназия как общий и любимый дом — такой она осталась в памяти многих учениц, и конечно, заслуга в этом принадлежала прежде всего Л. С. Таганцевой. Ее другая ученица, Е. Д. Воейкова-Ильина, признавалась: «В моих светлых гимназических днях очень многое связано с ней, с ее трезвым взглядом на жизнь, с ее само-

отверженной любовью к своей гимназии и ко всем нам...»

Но даже в элитной Таганцевской гимназии класс Елены Антиповой занимал особое положение. «Гимназия носилась с нашим классом, как курица с высиженным ею утенком», — вспоминала ее одноклассница дочь пролетария Анна Афанасьева и добавляла: «В нашей среде был самый блеск». Она имела в виду небольшую компанию своих подруг — Лиза Таль, Наташа Михневич, Лиза Пиленко, Нина Воленс, Юля Эйгер, «изящная Нелли Антипова». Каждая из них уже в юности была яркой личностью, но самой заметной и тогда была Лиза Пиленко (1891–1945) — будущая известная поэтесса Елизавета Кузьмина-Караваева и мать Мария.

Антиповскому классу преподавали незаурядные учителя. Историей с ними занимался ученик В.О. Ключевского, специалист по русской литературе XVIII в. и масонам Яков Лазаревич Барсков (1863–1937). Закон Божий гимназистки изучали под руководством священника отца Виктора (Плотникова, 1872–1937), законоучителя Павловского женского института, будущего епископа Кронштадтского Венедикта (1920). А психологию им преподавал известный русский психолог и философ, впоследствии эмигрант, Иван Иванович Лапшин (1870–1952).

Тем не менее замечательные учителя не смогли, а может быть и не желали, уберечь своих воспитанниц от происходивших за стенами гимназии общественных волнений и протестов и поиска свое-

Гимназистка Е. Антипова. 1909

Гимназистки. Слева направо: Н. Михневич, Е.Ю. Пиленко, Н.В. Воленс, Ю.Я. Эйгер, А. Афанасьева, Е.Л. Таль, Е.В. Антипова. 1908

го места в них. Выросшие в атмосфере благополучия, любви и достатка, таганцевские девушки стыдились своего привилегированного положения и осенью 1908 г. организовали кружок по изучению марксизма. «Мы были поставлены перед необходимостью спешно разобраться в наших детских представлениях о мире и дать себе ответ, — где мы и с кем мы, — писала впоследствии мать Мария. — Впервые в сознание входило понятие о новом герое, имя которому НАРОД». Не довольствуясь теорией, некоторые гимназистки «пошли в народ» — проводить уроки для рабочих Путиловского и Франко-русского заводов по арифметике, географии, русскому и немецкому языкам. Мать Лизы Пиленко Софья Борисовна вспоминала, что однажды ее дочь объявила, что будет по вечерам давать уроки рабочим на Путиловском заводе: «Я пришла в ужас! <...> всюду аресты, и вдруг 15-летняя девочка будет давать уроки рабочим, да еще вечером! Говорю ей: “У тебя у самой много уроков, тебе самой еще учиться нужно, да и в беду попадешь”. Она бросилась меня целовать и говорит смеясь: “Не бойся, мать, и уроки выучу, и ничто со мной не случится... а вечером оттуда меня старики рабочие до трамвая обещали проводить”».

Позднее некоторые историки и журналисты утверждали, что Таганцевский гимназический кружок был частью молодежной петербургской социал-демократической организации. Действительно, девушки имели немало контактов в среде оппозиционных самодержавию политических партий —

Конституционно-демократической (кадетской), эсеровской и социал-демократической. Так, Лиза Таль была приемной дочерью приват-доцента кафедры гражданского права Петербургского университета Л. С. Таля (1866–1933), известного своими связями среди кадетов. Юлия Эйгер родилась в семье известного врача и еврейского общественного деятеля, одного из учредителей Общества защиты евреев, автора многих научных трудов Я. Б. Эйгера (1862–1932).

Полицейские власти предусмотрительно и со всей серьезностью отнеслись к юным оппозиционеркам, и вскоре полковнику В. В. Антипову поставили на вид опасное поведение его дочери, указав на этот кружок. Более того, в картотеке наблюдений Особого отдела Департамента полиции появилась специальная карточка на юную Нелли Антипову. Много лет спустя Ю. Эйгер подтвердила небезосновательность полицейского демарша: «Всеми признанная и бесспорная красавица нашего класса, Нелли Антипова, была дочерью генерала³, начальника Владимирского юнкерского училища. Это явно монархическое окружение не мешало ей сочувствовать революционному движению и иногда активно помогать нам. Над квартирой Антиповых находилась квартира инспектора этого военного училища полковника Неслуховского, вся семья которого участвовала в револю-

³ Генерал-майором В. В. Антипов стал в декабре 1910 г. Мемуаристка несколько предвосхищает события.

ционном движении. Однажды обе девушки-подружки — Лиза Таль и Нелли Антипова — сидели в генеральской квартире и готовились к экзаменам, когда вошел денщик и сообщил им по секрету, что наверху у Неслуховских идет обыск и что обе барышни <сестры Татьяна и Мария Константиновны Неслуховские> увезены в тюрьму. Лиза и Нелли тут же схватили свои сумки, чтобы придать себе вид школьниц, идущих в гимназию, вышли из оцепленного полицией дома и пошли предупреждать об аресте других членов организации. Это было в апреле 1910 года». Заметим, что квартира К. Ф. Неслуховского давно была у полиции под подозрением — еще осенью 1906 г. лидер большевиков В. И. Ленин провел здесь несколько конспиративных встреч, там же неоднократно собирались совещания членов ЦК РСДРП(б).

В отличие от некоторых подруг Нелли Антипова непосредственного участия в революционном движении не принимала и после окончания гимназии с серебряной медалью собиралась поступать в Женский медицинский институт в Петербурге, однако полицейский демарш заставил ее мать немедленно увезти дочь за границу, подальше от дурного влияния оппозиционно настроенных знакомых. Как не вспомнить, что вскоре в картотеке Департамента полиции появилась и другая карточка: «Таль Елизавета Львовна. Слушательница Высших женских курсов. Дочь присяжного поверенного». Полицейский отчет зафиксировал, что 30 ноября 1910 г. она стала одной из «зачин-

Свидетельство об окончании гимназии Л.С. Таганцевой. 1909

щиц» сходки слушательниц Высших женских (Бестужевских) курсов, отказывавшихся от занятий из-за самоубийства в тюрьме эсера Егора Созонова, убийцы министра внутренних дел В.К. Плеве. Более того, «слушательница курсов Елизавета Таль ударила по лицу командующего 7-ю ротою столичной полиции штабс-капитана Боровкова, пытавшегося разомкнуть державшихся за руки слушательниц. Таль была задержана, препровождена для удостоверения звания в управление участка и по составлении протокола освобождена».

Несмотря на явную склонность к бунтарству и активному противлению социальному злу, почти все таганцевские одноклассницы окончили Высшие женские (Бестужевские) курсы — своего рода лучший российский женский университет того времени. Елизавета Львовна Таль-Тархова (1893–1987) своей профессиональной стезей избрала медицину, в 1920-е гг. она ординатор-хирург клиники госпитальной хирургии II Московского университета, защитила кандидатскую диссертацию и служила в Боткинской больнице в Москве. Юлия Яковлевна Эйгер (в замуж. Мошковская; 1892–1969) окончила историко-филологический факультет Бестужевских курсов, в 1913–1914 гг. занималась во Фрейбургском университете в Германии, а после 1917 г. работала в крупнейших научных учреждениях Петрограда и Москвы: Институте Маркса и Энгельса, Институте истории Академии наук СССР, заведовала отделом журнала «Историк-марксист». Нина Васильевна Воленс (1893–1937), дочь

известного педагога, «прямая, кристально чистая, честная и правдивая», изучала политэкономии на Бестужевских курсах, служила в ряде академических комиссий. В 1928 г. она была арестована по «делу зарубежной контрреволюционной организации “Крестьянская Россия”» и приговорена к десяти годам заключения, которые отбывала в ярославской тюрьме. Здесь она была организатором и членом редколлегии издаваемого заключенными нелегального журнала «Чертополох», неоднократно объявляла голодовку. 4 сентября 1937 г. Нина Воленс была расстреляна. Лиза Пиленко (Кузьмина-Караваева; Скобцова) в 1920 г. эмигрировала — сначала в Королевство сербов, хорватов и словенцев, а затем жила во Франции. В Париже она вольнослушательница Православного богословского института, приняла монашеский постриг и стала матерью Марией, монахиней в миру и хозяйкой приюта для обездоленных. Участница французского Сопротивления в годы Второй мировой войны, она помогала скрывать от расправы евреев, была арестована по доносу и отправлена в концлагерь Равенсбрюк. По одной из версий, в канун Пасхи, 31 марта 1945 г., мать Мария пошла в газовую камеру вместо одной из женщин. В январе 2004 г. она канонизирована Константинопольским патриархатом как преподобномученица.

Из всей компании гимназических подруг только Лиза Пиленко и Нелли Антипова покинули Россию после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. Спустя много лет, когда Ю.Я. Эйгер

напишет в воспоминаниях, что «в те самые годы (1908–1912) меня окружала прекрасная молодежь — талантливая, чистая и идейная. Она заслуживает того, чтобы о ней вспомнили. Большинства из них уже нет, многие погибли, следы некоторых утеряны», она, конечно, в первую очередь будет иметь в виду погибшую Нину Воленс и «исчезнувшую» Елену Антипову.

Несмотря на то что вихри революционной эпохи разметали их по разным городам и странам, на протяжении 1920-х гг. бывшие гимназистки нередко встречались, в том числе и за границей. Вероятно, свидетельство одной из таких встреч — небольшая брошюра, первый выпуск «Жатва духа: жития святых» Елизаветы Юрьевны Скобцовой, изданная «УМСА-Press» в 1927 г. и бережно хранящаяся в бразильской библиотеке Е. В. Антиповой среди немногочисленных русских книг, переживших трансатлантические перемещения их хозяйки. Рассказывают, что книжная серия, в которой опубликованы эти пересказы, выросла из вопроса одного из лидеров русской программы Христианского союза молодых людей Пола Андерсена философу Б. П. Вышеславцеву: «Какую бы книгу русская семья подарила подростку на именины?» Книга, центром которой была идея просветления и расцвета чужих душ как результата жертвенного служения святых подвижников, вряд ли случайно оказалась в библиотеке Е. В. Антиповой. Быть может, она была подарком маленькому сыну Антиповой Даниилу на именины?

Так или иначе, но юношеские идеалы «служения народу» и вера в просветительскую миссию интеллигенции, общие духовные устремления еще многие годы соединяли подруг в подвижнической сути их деятельности. Размышляя о жизненном подвиге матери Марии, писатель Дмитрий Быков заметил, что, «человек гигантского общественного темперамента, рожденный участвовать в бурях, она пришла к опыту малых дел, борьбы за каждого живого». Согласимся с писателем, что это, может быть, и есть «самый русский путь».

Европа: люди и институты

ПАРИЖ

В судьбе каждого человека бывают такие реперные точки, которые незаметно для него самого определяют его будущее на многие годы вперед. В жизни Е. В. Антиповой такими знаковыми стали годы учебы в Париже и Женеве. В 1911 г. она приехала во Францию учиться медицине в парижской Сорбонне, и казалось, ее студенческие годы пойдут по традиционной университетской колее.

В Париже Елена Антипова попала в «пекло творения» новой психолого-педагогической науки. В это время европейская, и прежде всего французская, система образования переживала серьезную трансформацию в связи с введением обязательного среднего школьного образования для детей в

возрасте до 14 лет (напомним, в России законопроект о всеобщем начальном образовании только начали рассматривать в 1907 г.). На какой основе строить новую массовую школу, с помощью каких средств создавать возможности для самореализации каждого ребенка и стимулировать его обучение, долгое время оставалось дискуссионным вопросом для научной и педагогической общест-венности.

Концепция «активной школы» (*école active*), в основе которой лежала идея развивающего обучения — развития интеллекта и творческих способностей учащихся через самостоятельный поиск решений незнакомых проблем, стала одним из важнейших оснований европейской образова-тельной реформы. Ее сторонниками и проводни-ками были многие швейцарские и французские педагоги и психологи, в том числе профессор эк-спериментальной психологии Женевского уни-верситета Эдуард Клапаред (1873–1940).

Человек большой энергии и авторитета, профес-сор был широко известен своими работами в обла-сти детской психологии и экспериментальной пе-дагогике, которые многократно переиздавались на различных языках. Создаваемый им в 1911–1912 гг. новый институт педагогических наук — Инсти-тут Ж.-Ж. Руссо (*École des Sciences de l'Éducation*) — рождался в бурных дебатах, но быстро стал одним из ведущих в Европе образовательно-исследова-тельских центров. Финансировавшийся из частных средств, он смело использовал самые современные

Профессор Э. Клапаред и Е.В. Антипова. 1928

Дом, в котором Е.В. Антипова жила в Женеве в 1913–1914 гг.
Фото М.Ю. Сорокиной

методы обучения, в его учебный план были включены лекции по таким новым для своего времени дисциплинам, как психопатология младенчества, евгеника, психоанализ.

В поисках студентов и сотрудников для института профессор Э. Клапаред приехал и в Психологическую лабораторию Сорбонны, где Альфред Бине (1857–1911) уже давно занимался разработкой методов измерения интеллекта ребенка. Совместно с Теодором Симоном (1873–1961) он предложил шкалу для определения уровня интеллекта, получившую столь широкое практическое применение, что ее нередко относят к важнейшим изобретениям XX столетия. Лаборатория Бине привлекала исследователей со всего мира, и Елена

Антипова успела поработать в ней в 1911–1912 гг. Именно здесь ее представили женевскому мэтру как подающую большие надежды студентку.

Влияние новаторских взглядов и подходов Э. Клапареда, да и самой личности швейцарского профессора, оказались столь велики, что в сентябре 1912 г. Е.В. Антипова переехала учиться в Женеву. Фокус интересов русской студентки сместился от изучения проблем патологии тела к исследованию возможностей человеческого интеллекта, от медицины — к экспериментальной психологии и тесно связанной с ней социальной инженерии. Встреча с Э. Клапаредом оказалась судьбоносной для Антиповой, а сотрудничество с ним — важнейшим исходным моментом в становлении профессиональных взглядов на интеллект и обучение. С этого момента в лице швейцарского ученого Елена Антипова на всю жизнь обрела научного патрона, учителя, коллегу и друга.

ЖЕНЕВА

В эти годы жизнь и деятельность Э. Клапареда, да и всего и Института Руссо, была тесно связана с Россией и российскими специалистами. Супруга профессора Елена имела российские корни, ее отец — известный философ-неокантианец А.А. Спир (Шпир; 1837–1890) был уроженцем Херсонской губернии, участником Крымской войны. С институтом сотрудничали друг, последователь и биограф Льва Толстого Павел Иванович Бирюков

(1860–1931), психотехник Лев Густавович Вальтер (1889–1963), психоаналитики Сабина Николаевна Шпильерейн (1885–1942) и Татьяна Конрадовна Розенталь (1884–1921), книговед и библиопсихолог Николай Александрович Рубакин (1862–1946). Сам Эдуард Клапаред хорошо знал и внимательно следил за российской психологической и особенно — педологической мыслью⁴ и экспериментальными исследованиями.

В отличие от российских университетов того времени женеvский институт с момента основания был международным образовательным центром — интернациональный состав студентов, преподавателей и исследователей закладывался принципиальной особенностью его устройства. Здесь учились девушки из России и Германии, Греции и Румынии, Бразилии и Бельгии, Португалии и Испании. Отделения института существовали (или в скором времени возникли) в Каире, Тель-Авиве, Афинах, Барселоне, Нью-Йорке и других го-

родах по всему миру. Благодаря этому Елена Антипова получила в Женеве не только самое современное для своего времени психолого-педагогическое образование, но и сразу интегрировалась в международную профессиональную среду и стала еще одним соединяющим звеном между российским и европейским научными сообществами.

Стоит отметить, что до революций 1917 г. небольшое, но высококвалифицированное российское психологическое сообщество было теснейшим образом связано с европейскими и американскими коллегами и внимательно следило за основными трендами развития психологических дисциплин. Поиски новых методов экспериментальной работы в области детской психологии и оптимальной модели исследовательского психологического института, аналогичные или близкие женеvским, шли и в России. В Москве профессор Георгий Иванович Челпанов (1857–1927) создал на частные средства первый в России Психологический институт (1912), в Петербурге в рамках основанного профессором Владимиром Михайловичем Бехтеревым (1857–1927) Психоневрологического института еще в 1907 г. появился Педологический институт, первыми годами своего существования обvязанный исключительно частным пожертвованиям. Российские меценаты, как и их европейские визави, вкладывали средства в самую передовую науку, поддерживая именно те направления, которые мы сегодня назвали бы «инновационными». Важно, однако, что капиталы «новых

⁴ Педология — комплексная наука о ребенке, одна из самых бурно развивавшихся психолого-педагогических дисциплин начала XX в., имела особую судьбу в России. Возникнув параллельно появлению «науки о ребенке» в Европе и США, она продолжала интенсивно развиваться после революции 1917 г. и оказалась единственной научной дисциплиной в СССР, прямо запрещенной коммунистической властью в 1936 г. Последствия этого разгрома оказались очень тяжелы для российского психологического сообщества: многие известные ученые и их достижения оказались прочно забыты на десятилетия, а некоторые — вообще выброшены из истории науки.

русских» направлялись не только на стимулирование прикладных научных исследований, но и в сферу экологии человека, на переустройство всей среды его обитания. Наиболее дальновидные российские предприниматели, понимавшие бессмысленность технологической революции вне «нового человека», щедро вкладывали деньги в науку, образование, медицину.

Первая в России лаборатория экспериментальной педагогической психологии появилась в 1901 г. при Педагогическом музее Главного управления военно-учебных заведений. Ее основателем стал психолог Александр Петрович Нечаев (1870–1948) при поддержке выдающегося военного педагога, генерала от инфантерии Аполлона Николаевича Макарова (1840–1917). То, что лаборатория возникла в рамках военного ведомства, произошло случайно: многие годы оно энергично занималось всесторонней подготовкой воспитанников кадетских корпусов и внимательно следило за новыми образовательными подходами и методиками. Великий князь Константин Константинович (1858–1915), возглавлявший Главное управление военно-учебных заведений, постоянно посещал конференции созданных Нечаевым педагогических курсов для воспитателей кадетских корпусов при Педагогическом музее — «гнездо педагогического либерализма», как о них говорили в Петербурге.

С именем А.П. Нечаева связаны все основные инициативы в области педологии в дореволюционной России — он организовывал выставки,

конференции, съезды, курсы, общества, издавал и редактировал множество периодических изданий. Одним из первых в России Нечаев проводил психолого-педагогические исследования с применением тестов и способствовал их популяризации в обществе. Неудивительно, что в 1912 г., после открытия в Женеве Института Ж.-Ж. Руссо, Нечаев был назван первым и бесспорным кандидатом от России на место члена его Международного попечительского комитета.

Жизнь и профессиональная карьера А.П. Нечаева в СССР сложились так же трагично, как и судьба педологии в целом: с приходом новых «советских кадров» он неумолимо вытеснялся со всех институциональных позиций. В 1935 г. Нечаев был арестован по доносу коллег и осужден на пять лет ссылки в казахстанский город Семипалатинск. Ссылка на далекую периферию спасла профессору жизнь, но репрессии на многие десятилетия вычеркнули имя Нечаева из коллективной памяти отечественного психологического сообщества. Вероятно, если бы Елена Антипова осталась в СССР, то и ее могла бы постигнуть участь Александра Петровича.

Старые связи, новые карьеры

МУЖ И СЫН

Вернувшись в Россию весной 1917 г. для спасения тяжело раненного на фронте Первой мировой войны отца, Елена Антипова была сразу востребована профессионально. Но главное — она встретила в Петрограде свою любовь. Ее мужем стал довольно известный писатель и журналист, один из организаторов знаменитого Дома литераторов Виктор Яковлевич Ирецкий (1882–1936).

Уже в наши дни он стал прототипом главного героя романа «Орфография» (2003) Дмитрия Быкова. Но еще недавно, в 1989 г., в предисловии к описи архива писателя, доставленного после Второй мировой войны из Праги в Москву в составе Русского заграничного исторического архива, архивист утверждал, что «произведения Ирецкого не имеют большой художественной ценности... <...> это зеркало литературной деятельности и убогого быта не сумевших выдвинуться эмигрантов».

Действительно, судьба писателя, высланного из России и ставшего вынужденным эмигрантом и жителем Берлина с 1923 г., сложилась непросто, особенно после расставания с родиной и семьей. Однако более сотни статей и рецензий в дореволюционной отечественной прессе и позже в ведущих русскоязычных эмигрантских изданиях, несколько

Виктор Яковлевич Ирецкий, муж Е.В. Антиповой. 1910-е

романов и сборников рассказов, неизменно вызывавших внимание критики; театральные пьесы и фельетоны, имевшие успех у публики; дружеские связи и профессиональные контакты с А.А. Блоком, а также с Н.Н. Берберовой, В.Ф. Ходасевичем, И.Г. Эренбургом, В.В. Набоковым и другими самыми известными представителями художественной интеллигенции русского зарубежья первой волны — все это демонстрирует неординарную личность и несомненный литературный талант.

В архиве писателя, находящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства, нами обнаружено более шестидесяти многостра-

Даниил Антипов-Ирецкий, сын Е.В. Антиповой.
Конец 1920-х

ничных писем Елены Антиповой мужу — своего рода роман, читающийся на одном дыхании, прерываемый лишь профессиональным желанием уточнить упоминаемые имена, места, факты и события... В первую очередь это личная сага — сага отношений, драматических и дружеских одновременно. В апреле 1919 г. в их семье родился сын Даниил. Елена Владимировна вспоминала: «Я не знаю почему, но я была абсолютно уверена, что ребенок, который придет в этот мир, будет мальчик. Я так сильно хотела мальчика, что Бог, без сомнения, услышал мой голос». Рожденный в самые

тяжелые месяцы Гражданской войны, маленький Данилка был на волосок от смерти: «Бедненький мой дорогой, ты много плакал первые недели, — продолжала далее вспоминать Антипова. — Твой маленький живот довольно сильно болел, и твоя мама не могла накормить тебя достаточно, с одной стороны, потому, что у нее не было того, чем можно было тебя кормить (голод все еще свирепствовал в России), с другой стороны, потому что она не имела достаточного опыта в таких серьезных, важных вещах... Я была совсем одна в то время... Люди, которые тебя видели, таким маленьким и таким хилым, говорили, не скрываясь от меня, что ты не выживешь».

Благодаря материнской заботе, любви и преданности маленький Доня (домашнее имя) выжил. Едва родившись, он отправился с матерью на восток, в знаменитый край русской ссылки — в Вятку.

ВЯТКА — ПЕТРОГРАД

Спасаясь от красного террора и голода в Северной столице, в 1919 г. Е.В. Антипова с сыном перебрались из Петрограда в Вятку, где провели примерно два года. До сих пор никто из биографов Антиповой не мог ничего сказать об этом коротком периоде ее жизни. Молчаливо считалось, что он был наполнен борьбой за существование в условиях Гражданской войны и смены политических режимов. Между тем сохранившийся в бразильской библиотеке Антиповой оттиск статьи вятского врача,

педолога и общественного деятеля Василия Алексеевича Трейтера (1875–1929) «Опыт педологической работы» (Харьков, 1925) заставил по-новому взглянуть на «вятские годы» Елены Антиповой и их роль в становлении ее психолого-педагогических воззрений.

В далекой Вятке (ныне город Киров) Елена Антипова оказалась на «передовой» экспериментальной психологии, приняв самое активное участие в педологических обследованиях детей — сирот, беспризорников и социально нуждающихся. Изучая физическое и интеллектуальное развитие малышей, прошедших через ужасы революционных и социальных катаклизмов, Антипова и ее коллеги, работавшие в педологическом кабинете детского коллектора Вятского губернского отдела народного образования — своего рода приемнике-фильтре для детей, поступавших в детские дома, — оказывали им необходимую психологическую и социальную помощь. Именно здесь, в Вятке, Е. В. Антипова работала совместно с В. А. Трейтером. Рискнем предположить, что основательное методическое обеспечение работы по обследованию физического и интеллектуального развития вятских детей в условиях Гражданской войны выдает одним из его непосредственных авторов именно Елену Антипову, единственную среди коллег получившую фундаментальное образование в области психологического тестирования в Париже и Женеве. Впоследствии она сама неоднократно вспоминала В. А. Трейтера и свои вятские годы как

период важной практической подготовки к будущей психологической деятельности за рубежом, а в ее бразильском архиве сохранилась переписка с вятскими коллегами, с которыми Антипова не теряла связь до 1935 г.

Еще более интенсивная профессиональная работа ждала Елену Антипову после возвращения из Вятки в Петроград. В 1921–1924 гг. она работала психологом-обследователем Центрального карантинно-распределительного детского пункта Народного комиссариата просвещения. Персонал пункта оказывал первую психологическую и социальную помощь тем, кто больше всех пострадал душевно, нравственно и физически в годы революций и Гражданской войны, — детям. Когда в начале 1920-х гг. в Поволжье разразился голод, привозимых оттуда «детей-доходяг» прямо с вокзала, на носилках, доставляли в этот пункт. Здесь их выхаживали, лечили и поднимали на ноги. Насколько эта работа была важна для государства и общества, говорят цифры: если по окончании Первой мировой войны количество беспризорников в России составляло около 2,5 миллиона, то к 1922 г. их насчитывалось уже до 7 миллионов.

Служба Елены Владимировны в пункте пришлась на сложный период введения в научный язык понятия «детская беспризорность». В это время «беспризорных» причисляли к «дефективным» детям и жарко дискутировали о синонимичности этих понятий. Кроме того, общество пожинало грустные плоды от нововведений советской влас-

ти в сфере семьи и брака (свобода брака и отношений, свобода развода, тотальное снижение контроля и ответственности за детей в семье). Наконец, после окончания Гражданской войны широко обсуждался один из ведущих принципов педологии того периода — «формирующее влияние среды». Первые послереволюционные годы были еще эпохой свободы слова и возможности публичных дискуссий, временем государственной ответственности за беспризорных детей, когда в основе работы с «дефективными» детьми еще лежали мощные научные основания — психология, медицина, отчасти психоанализ, педология. К 1930-м гг. наступит совсем другой период — «реакции и карательной переориентации» по отношению к подобным детям. Но Елены Антиповой к тому времени уже не будет в России.

Значение, придававшееся новой властью решению вопроса беспризорности в России, явно просматривается даже сквозь такие, казалось бы, хозяйственные вопросы, как размещение детей и работающих с ними специалистов. Так, под нужды пункта была отдана одна из лучших гостиниц Петербурга-Петрограда «Европейская», располагающаяся и сейчас в центре города, а затем — помещение бывшего императорского Александровского (Царскосельского) лицея (на Каменоостровском проспекте).

В 1921 г. в пункте побывал знаменитый британский писатель-фантаст и общественный деятель Герберт Уэллс (1866–1946), который особо отметил

его сотрудников — «людей, политически неблагонадежных или открыто недовольных новым режимом, но желающих тем не менее служить России». Восхищаясь их самоотверженным трудом, сочетавшим высокую образованность, преданность избранному делу и гуманность по отношению к детям, писатель увидел, что они работали здесь «с чистым сердцем и спокойной совестью». Среди воспитателей, о которых писал Уэллс, был А.А. Брянцев (1883–1961), создавший Ленинградский театр юных зрителей именно в стенах пункта, среди учеников — будущий многолетний директор Эрмитажа академик Б.Б. Пиотровский (1908–1990).

Свои «полевые» наблюдения и методику работы пункта Елена Антипова обобщила в докладе на петроградской конференции работников детских домов в 1923 г. Читая этот доклад сегодня, понимаешь, сколь напряженным физически, тяжелым морально и одновременно многофункциональным и профессионально отточенным был ежедневный труд психолога-практика Антиповой.

Результаты, полученные в ходе обследования группы дошкольников Петрограда (от 4 до 9 лет) на «установление их умственного уровня» по методу Бине — Симона, она сопоставила с аналогичными данными, полученными сотрудниками А. Бине и Т. Симона в Париже в 1912–1913 гг. Выяснилось, что, несмотря на физическую ослабленность и тяжелые моральные потрясения, интеллектуальный статус российских дошкольников не дал резких отклонений от нормального уровня психического

развития. «Мы констатировали, — писала Е. В. Антипова, — даже некоторое повышение уровня (в среднем на 0,41) в сравнении с парижскими данными довоенного времени. Полагаю, что не голословно было бы утверждать, что такое повышение отчасти зависело от сравнительно хорошей постановки в России, еще в 1921 г., дошкольного образования, а кроме того, от той житейской мудрости, которая приобретается теперь детьми с ранних лет. Предоставленные самим себе больше, чем раньше, сызмала вынужденные ориентироваться в окружающей их жизни, дети тем самым активно, на самом деле упражняют те черты корня интеллекта, которые Бине назвал пониманием, обсуждением, направлением и изысканием».

Профессиональные заботы были важнейшим содержанием жизни Е. В. Антиповой в начале 1920-х гг. Новый этап в изучении детства в России характеризовался, помимо прочего, началом широкомасштабных психологических исследований детей с помощью тестирования и проведением большого количества съездов и конференций по различным вопросам воспитания и обучения детей. Психологическая среда в те годы была наполнена неподдельным энтузиазмом и энергией поисков новых путей развития психологической науки, практики и образования. Знаменитый Первый психоневрологический съезд (1923), который сейчас более всего известен как поле острой публичной дискуссии между профессором Г. И. Челпановым и шедшими ему на смену его же учени-

ками (К. Н. Корнилов, П. П. Блонский), Антиповой запомнился совсем другим: «Сейчас очень занята: у нас идет съезд по психоневрологии и другим смежным вопросам, которые близко подходят к содержанию моей работы. Узнаешь кое-что новое, обмен мнений между умными людьми, выступающими на съезде, и их горячие споры служат той благотворной ванной, в которую окунаешь свой мозг и впитываешь в себя кое-что, что, несомненно, расширяет горизонты».

Среди этих дискуссий свое место постепенно занимала формировавшаяся культурно-историческая теория, обычно связываемая с именем Льва Семеновича Выготского (1896–1934). Правда, в это время он только начал становиться известным научной аудитории. Между тем профессиональный круг и профессиональные интересы Е. В. Антиповой начала 1920-х гг. были почти напрямую связаны с вопросами, интересовавшими Выготского. Видимо, это было своего рода антиповское предчувствие Выготского, интуитивно-профессиональное следование в общем научном направлении.

Как социум и общественная атмосфера влияют на формирование психики ребенка, его ценностей и приоритетов, знаний и умений, Е. В. Антипова ощутила в полной мере в собственной семье. Опыт общения с петроградской «улицей», в годы Гражданской войны и после нее наполненной «человеком с ружьем», не прошел даром для ее четырехлетнего сына: «Доня ходит весь до зубов вооруженный с видом злого чеченца. Бороться

с инстинктами бесполезно, когда изживет период воинственных настроений и образов, заменит их более высокими — бояться нечего». Еще более разительной была реакция пятилетнего Данилки, внука царского генерала и сына писателя, на события актуальной ему политической действительности: «Доня зарекомендовал себя как ярый коммунар. Смерть Ленина со всеми относящимися к этому событию торжествами и обрядами и разговорами — сильно повлияли на его пятилетний мозг. В его представлении умер какой-то герой, спаситель людей — почти со слезами на глазах через день после похорон он заявил, что поедет в Москву. Выроет могилу, извлечет оттуда Ленина за руки и спасет его. То же проделает он с Петром Великим — и сведет их вместе — “пусть познакомятся оба царя”. Похороны были настолько торжественны, что думаю, они глубоко запали всем, и особенно на всю жизнь — малолетним. Перечитывая письма, которые дети моей группы писали из карантина своим родным и знакомым, каждый из писавших в те дни заканчивал как бы по уговору свое письмо следующими словами: “Ленин умер”. Темой Дониных разговоров, его свободных песен и каких-то импровизированных монологов, которые у него частенько выливаются наружу — все Ленин, Ленин и Петр Великий (были с ним в Эрмитаже, где он видел гробницу и трон последнего)».

Несмотря на удивительную для русского человека эпохи перемен социальную и политическую толерантность, Е. В. Антипова испытывала все те

Genève 2. Avril 1928 29

Дорогой Папа!

Спасибо за письмо и за интересные марки. Все мальчишки хотят иметь такие же марки.

В этом месяце было много интересного: 18 марта я был с мамой и Институтом. Видели старинную гробницу, дельфин, который наывается la pieuvre aux fees. Мы провели там целый день, купались и собирали улитки, и фотографировали. М^е старинные записки и провал обещу которую потом трудно было разбудить. В Женеве был салон автомобилей. Я там был два раза. Я знаю много автомобильных фирм. Там разговаривали разные каталоги и массу красивых эстоней.

С. L'ouvreaux (швейц. Писатели). Я был в музее, там мы видели обезьян и слона. Потом мы устроили пикник на нашем Mère-Louise, а потом пошли на остров реки Арвы. Я был у Глазного Доктора он мне прописал очки, потому что я дальновидный. Я их ношу только

Письмо Даниила Антипова отцу, В. Я. Ирецкому, из Женевы. 1928

трудности, которые сопровождали жизнь, службу и быт жительниц обеих столиц. Так, например, отсутствие юридически признанного в России высшего образования (общая проблема для россиянок, окончивших зарубежные университеты) автоматически делало ее маргиналом в профессионально-карьерном росте и вынуждало опираться не только и не столько на собственные силы и знания, что мало удовлетворяло привыкшую к самостоятельному во всем движению ученицу Э. Клаппарда. В одном из писем она признавалась, что «служба в <пункте> мне давно осточертела, сил она поедает уйму, неприятностей создает на каждом шагу, потому что все идет далеко не гладко, мириться же со всем тем, что здесь предпринимается, я не могу — и поневоле ввязываюсь в лишнюю работу. Чтобы покончить с этой переработкой, имеется один выход — уйти из пункта. Могу ли я это сделать — конечно, нет...».

Тяжелый быт забирал все силы: «С утра до вечера верчусь как белка в колесе. Прибавились еще практические занятия по вечерам 3 раза, которые мне дали в апреле, увы, только 1,5 червонца лишних, но и они весьма необходимы, так как на прожитие ух как нужна лишняя копейка!»; «хожу оборванная, а на лучшее платье нет денег...». Кажется, что эти письма написаны не в начале, а в конце XX в., так живо они напоминают о быте научных специалистов совсем недавнего прошлого.

Попытки найти более оплачиваемую работу приводили Е. В. Антипову в самые разные учрежде-

ния и к разным людям. Она пыталась устроиться в Москве, подумывала на год-два уехать в Крым, к родственникам, и даже отправила в Симферопольский отдел народного образования предложение организовать там небольшой психологический кабинет с «амбулаторией для обследования подозрительных на дефективность детей». Но и в Крыму ее ждала неудача. «Напрасно Вы думаете, — объясняла Антипова мужу, — что службу так просто можно найти. И не с моими талантами сидят без дела. Да и не в талантах суть, а в возможности их применить, каковая сокращается с каждым днем».

Страшный удар получила семья Антиповых — Ирецких, когда Виктор Яковлевич был арестован ГПУ и намечен к высылке из России в Германию осенью 1922 г. В отличие от жен других высылаемых на «философском пароходе», безропотно принявших чекистский вердикт и последовавших за мужьями, Антипова обратилась в ГПУ с решительным по тону заявлением о невозможности эмиграции вследствие «отсутствия средств» и причастности к «новому, полезному для страны делу» (работа в пункте) и не менее решительной просьбой отпустить арестованного Виктора Ирецкого на две недели домой для сборов и прощания. Она добилась этой отсрочки, а сама оставила Россию только в августе 1924 г., отправившись с пятилетним сыном Даниилом к мужу в Берлин (Германия).

Письма мужу ярко рисуют ее душевное состояние в этот период — нарастающее понимание неизбежности расставания с родиной в условиях

тяжелого быта Петрограда-Ленинграда, личного одиночества и материнских переживаний. Образ России в этих письмах Елены Антиповой — грубый, мужской — образ тяжелого быта, тоски по отцу, потери мужа и разлуки малолетнего сына с отцом, болезней ребенка.

Недавно высланному она пишет в январе 1923 г. о реакции сына: «Вскоре после Вашего отъезда купила Доне славный пароходик (деревянный, массивный, с большими трубами, высокими мачтами, флагами, каютами, палубами и т. д., словом, Preussen, да и только, который Доня окрестил “компресс” (по созвучию). В нем он катает свою и Вашу карточку и развозит по разным станциям — Березайка, Попово, Петушки и т. д.» Тот же мотив разлуки в письме от 20 ноября 1923 г.: «Доник очень сердится на дядечек, которые держат папу, и хочет с милиционером поехать за ним, дать папе денег (спросив их в нашей канцелярии) и привести папу». И наконец: «Вечер провела... в слезах. Страшно тоскливо показалось, до слез одиноко. Все близкие далеко! И разметала же нашу семью какая-то злая центробежная сила да по всему миру земли».

В отличие от России, образ эмиграции в письмах Антиповой — женский, образ надежды, встречи, веры в будущее для себя и сына, воссоединения для всей семьи: «Мечтаю о восстановлении семьи, — писала она мужу в 1923 г. — Приедет папа, вернетесь Вы, соберемся вместе... будем ставить большой медный фамильный самовар и под его уютную песню вспоминать пережитое».

На наш взгляд, именно это — чувство личного одиночества, профессиональной невостребованности, ощущение бесперспективности дальнейших усилий, недостаток активной интеллектуальной деятельности и конечно ностальгические воспоминания о годах учебы в Женеве и надежда на помощь учителя — привели Елену Антипову к мысли о необходимости отъезда из России.

«Этот славный покровитель, замечательный Клапаред»

Еще весной 1924 г. Елена Антипова не знала точно, куда поедет, — в Крым к отцу или в Берлин к высланному мужу-писателю. Она мечтала о воссоединении своей большой семьи, безжалостно разорванной войнами и революциями, но уже к лету определилась с выбором. Согласно справке, выданной 7 июля 1924 г. заведующим Центральным карантинно-распределительным детским пунктом в Ленинграде профессором Л. Г. Оршанским, Антипова направлялась в научную командировку в Германию на два месяца за свой счет. В документе отмечалось, что она «является одним из самых деятельных работников по обследованию и распределению детей. В последнее время особенно много занимается вопросом о переростках как особенно важным в жизни наших учреждений, а также вопросами коллективного

эксперимента». Особый интерес в этой справке представляет определение цели командировки, с большой вероятностью сформулированное самой Антиповой: «Цель поездки — углубление изучения современных методов детской и юношеской характерологии, психотехнического определения профессиональной пригодности для целей правильного распределения детей по учреждениям и методов определения нормальной и дефективной одаренности. Научная разработка и практическое приложение этих новых данных в настоящее время всего лучше представлены в психологической лаборатории профессора Штерна в Гамбурге». В конце справки указывалось, что «т<оварищ> Антипова... вновь вернется к работе в Пункте» и поэтому последний считает командировку очень полезной.

Е.В. Антипова. 1924

Приехав в Берлин, Антипова почти тотчас же, 18 октября 1924 г., отправила письмо профессору Э. Клапареду в Женеву, рассказав о происходившем с ней и ее семьей за прошедшие семь лет, а также — и это было главным — о своих педологических работах в России. Интересно, что это первое берлинское письмо звучало весьма оптимистично и скорее ориентировалось на восстановление старых связей, чем на жалобы на судьбу. Антипова сообщила учителю, что, несмотря на политические катаклизмы, российские психологические институты работают вполне удовлетворительно, а она сама, сотрудничая с различными лабораториями

Петрограда и Вятки, провела обследование более тысячи детей, в том числе сирот. В том же письме она обратила внимание профессора на последние исследования русского психолога А. Ф. Лазурского (1874–1917) по классификации личности и ее изучению в естественных для испытуемого условиях. Мэтр сразу ответил талантливой ученице, и уже с ноября между Берлином и Женевой установилась постоянная переписка.

Однако попытки Е. В. Антиповой устроиться на работу в Психологическом институте в Берлине закончились безрезультатно, семейная жизнь также оказалась далека от идеала. Уже в 1925 г. Елена Владимировна обратилась к учителю за помощью и в 1926 г. уехала с сыном в Женеву, где получила место ассистента профессора Клапареда в университете и возможность сотрудничества с Институтом Ж.-Ж. Руссо. По организации своей внутренней жизни этот институт значительно отличался от аналогичных институций его времени, продолжая традицию отношений семейного типа, «большой семьи». Помимо общей научной работы сотрудники института постоянно общались на совместных вечерах и пикниках, во время прогулок, экскурсий и поездок. «Мы отправляемся... в лагерь на 6–7 дней на берег Невшательского озера, где в имении директора института Р. Bovet будем справлять 15-летие института, — описывала Антипова новую жизнь мужу. — Оттуда будем совершать... прогулки в горы, на родину Песталоцци — в излюбленное место прогулок Ж.-Ж. Руссо, а также на шоколад-

ную фабрику Suchard, где, наверное, нас угостят и наделают вкусным шоколадом». Несомненно, такой «домашний режим» для эмигрантки Антиповой был своего рода психотерапией, реабилитационной процедурой, позволившей душевно и психологически обновиться.

В Женеве Е. В. Антипова получила то, чего была лишена в России и в чем так нуждалась, — интенсивное интеллектуальное общение со всеми присущими ему атрибутами — дискуссиями, конференциями, публикациями, проектами и т.п. В это время Институт Ж.-Ж. Руссо был созвездием известных и молодых, а в недалеком будущем выдающихся психологов — от Жана Пиаже (1896–1980), Шарля Бодуэна (1893–1963) до Алис Декедр (1877–1963), Мины Одемар (1883–1971) и Андре Рэя (1906–1965), общение и сотрудничество с которыми помогло русской коллеге быстро восстановить профессиональный тонус. Особенно важным было то, что бывшую студентку хорошо помнили и доверяли. На фотографиях 1920-х гг. она всегда в центре научных сотрудников, рядом с основателями и руководителями института — профессором Эдуардом Клапаредом и Пьером Бове (1878–1965). Директор Института Руссо Бовэ отметил в своей книге, что мадам Антиповой пришлось взять на себя всю огромную работу по постановке экспериментов и координации различных исследований в Женеве, с чем она блестяще справлялась. Талант умелого организатора и вдохновителя, который был совершенно не востребован в Петрог-

Сотрудники Института Ж.-Ж. Руссо.

Слева направо, в 1-м ряду: М. Одемар, Е.В. Антипова, Л. Лафендель; во 2-м ряду: неуставленное лицо, Р. Мейли, Ш. Бодуэн. <1926>

PREMIER TIRAGE (Juin 1927)

INSTITUT J. J. ROUSSEAU
ÉCOLE DES SCIENCES DE L'ÉDUCATION
ÉTABLIE PAR L'ÉTAT ET LA VILLE DE GENÈVE

GENÈVE, 4, Rue Charles-Bonnet

XVIme ANNÉE

PROGRAMME DU SEMESTRE D'HIVER¹
 22 octobre 1927 — 22 mars 1928

COURS ET CONFÉRENCES

Université, salle 20 Laboratoire de Psychologie Laboratoire de Psychologie Laboratoire de Psychologie Laboratoire de Psychologie Institut Institut Institut	* Psychologie expérimentale. (M. Ed. Claparède). — Cours 2 h. par semaine, lundi et mardi à 11 h. — La vie affective ; sentiments, volonté. * Psychologie générale. (M. Claparède). — Conférence, 1 h. par semaine, le vendredi à 14 h. La pensée de l'enfant. (M. Jean Piaget, prof. à l'Université de Neuchâtel). — Cours, 1 h. tous les quinze jours, le samedi à 11 h. Répertoire de pédagogie et psychologie, tous les quinze jours, le samedi à 11 h. (Obligatoire pour tous les élèves réguliers). Monographies d'enfants. (Mme Antipoff). — Jeudi à 9 h. Anatomie et Physiologie. (Dr Weber-Bauler). — Lundi de 9 à 11 h. Éléments de psychologie. (M. Richard Meili, D^r phil.). — Cours, 1 h. par semaine, vendredi à 15 h. Psychologie ouvrière. (Mlle Butts). — Lundi à 10 h. (à partir de janvier). — Cours 1 h. par semaine.
--	--

¹ Les cours de l'Ecole normale internationale d'éducation physique, avec laquelle l'Institut J. J. Rousseau sera en étroite collaboration, seront annoncés ultérieurement.

и много работала, так же
 и отчасти помогала ей в
 работе, так как она была
 очень трудолюбивой.

Программа лекций в Институте Ж.-Ж. Руссо в Женеве (Швейцария) на 1927/28 учебный год

раде-Ленинграде, ярко обнаружил себя в Женеве и стал прелюдией к работе Антиповой в Бразилии. Профессиональное и общественное признание пришло быстро: «В прошлый четверг говорила по радио. Слушавшие в Женеве говорили, что удачно», — писала она мужу 19 сентября 1926 г., всего через полгода после переезда.

Кроме того, Женева подарила русской эмигрантке и так необходимое человеческое тепло. Дружеские отношения между учителем и ученицей выходили за рамки исключительно внутрикорпоративного общения и способствовали моральному и интеллектуальному возрождению Антиповой. Профессор считал ее и своей духовной дочерью, и музой, и именно «Антип», а не дочь или сына видел в качестве своего преемника.

Удачно интегрированная в научную и социальную жизнь интернациональной Женевы, Елена Антипова никогда не теряла и связи с соотечественниками. Ее ближайшими собеседниками стала семья Барановых, глава которой был одним из любимых учеников профессора Петербургской консерватории скрипача Н. В. Галкина. «Наняла рояль на половину с Барановым, — сообщала Елена Владимировна мужу в июле 1926 г. — Месяц обходится 7 р. 50. Доня подбирает знакомые мелодии, играет после обеда около получаса гаммы и упражнения. Приучается к роялю. Я играю в свободное время довольно много. Аккомпанирую Баранову, может, в будущем это пригодится — не надо пренебрегать сейчас ничем, а главное, не забывать того, чему

хоть немного училась. Музыка — хорошая отдушина в душные июльские вечера от тоски...»

Одним из центров российского сообщества в Швейцарии еще с дореволюционных времен были дом и библиотека известного библиографа Николая Александровича Рубакина (1862–1946) в Лозанне. В начале 1920-х гг. Рубакин был увлечен созданием библиопсихологии и института под аналогичным названием, что предопределило его постоянные связи с женевскими психологами. Интересно, что инициатива знакомства с Е. В. Антиповой, по-видимому, принадлежала ему самому. В маленьком и довольно замкнутом мире интеллектуальной Швейцарии он не мог не заметить появление новой русской сотрудницы Института Ж.-Ж. Руссо и отправил ей свою книгу. После обмена письмами знакомство продолжилось, и Е. В. Антипова стала читательницей рубакинской библиотеки, заказав несколько книг для себя и сына. Возвращая их в конце сентября 1928 г., она приложила к письму две свои статьи из «Archives de Psychologie». Рубакин быстро откликнулся: «Нашел в них много такого, что пригодится, и даже очень, и в наших библиопсихологических работах» — и предложил Антиповой опробовать его «двойной библиопсихологический тест» в Институте Ж.-Ж. Руссо. В дальнейшем Н. А. Рубакин и Е. В. Антипова несколько раз встречались, обмениваясь новыми публикациями и обсуждая проблемы книгообмена с СССР: «С искренним удовольствием, — писал библиограф, — вспоминаем всегда Ваши, к сожалению

такие кратковременные, визиты в нашу книжную берлогу».

В архиве Н. А. Рубакина сохранилась и трогательная открытка восьмилетнего Даниила Антипова, написанная простым карандашом и печатными буквами в июне 1927 г.: «Дорогой Николай Александрович. Спасибо Вам большое за вашу любовь и за память обо мне. Мне книжки очень нравятся. Я буду их читать летом, когда у меня будет время. Когда буди в Лозанне я наверное зайду к Вам. Спасибо еще раз. Ваш Данил Ирецкин-Антипофф».

Увы, с пятилетнего возраста находясь за границей, мальчик практически не писал на русском языке и использовал преимущественно французский, а затем и португальский языки, что глубоко огорчало его мать, но весьма помогало интеграции юноши в новый социум. Перспектива потери сыном русского языка стала ведущим стимулом для Е. В. Антиповой в организации маленького русского клуба в Женеве. Когда в ноябре 1927 г. сюда из Праги для чтения лекций в университете приехал известный филолог, лингвист и педагог Сергей Иосифович Карцевский (1884–1955), соредактор широко известного в эмиграции журнала «Русская школа за рубежом», Антипова немедленно обратилась к нему с просьбой взять на себя преподавание русского языка, русской географической истории и литературы для немногочисленных женевских русских детей и их родителей, желавших сохранить в семье русский язык и культуру.

И все-таки жизнь в благоустроенной Женеве была далека от идиллической. Письма Е. В. Антиповой тех лет полны горьких признаний. 19 июля 1926 г.: «Собиралась “с моста в речку сигануть” <...> конец года — усталость от жизни, неудач от отсутствия собственных сил»; 20 ноября 1926 г.: «Пишу Вам на открытке, потому что на письмо не хватило денег... Устаю от работы страшно, притащившись домой, отлеживаюсь около часа, прежде чем сделать что-нибудь другое. Похудела и постарела на несколько лет». Однако природный оптимизм, востребованность и приязнь коллег спасали и здесь: «Постепенно приспосаблиюсь и привыкаю и поэтому сил трачу как будто последнее время меньше. И все идет хорошо».

Помимо трудностей адаптации Антипову преследовали и проблемы визового режима. Как жена высланного из России, она приехала в Женеву с паспортом, выданным в Германии на два года, срок его действия истек 17 октября 1927 г. Очень скоро женщина оказалась, по собственному выражению, «между небом и землей» — германские власти не хотели продлевать паспорт, так как его обладательница de facto жила в Швейцарии, а швейцарские отказывали в выдаче международного паспорта беженца («нансеновского» — чтобы не нажить себе лишнего эмигранта). Для спасения ученицы от принудительной высылки профессор Клапаред неоднократно ходатайствовал у немецкого консула и в правительственных кругах Берна о продлении ее паспорта и визы. Несмотря на высокое покрови-

CONFÉDÉRATION SUISSE
SCHWEIZERISCHE EIDGENOSSENSCHAFT
CONFEDERAZIONE SVIZZERA

Département fédéral de Justice et Police - Eidgen. Justiz- und Polizeidepartement - Dipartimento federale di giustizia e polizia
Division de police - Polizeidivision - Divisione di polizia

Berne, le 11 mars 1928.
Bern, den 11. März 1928.
Berne, il 11 marzo 1928.

**CERTIFICAT D'IDENTITÉ
IDENTITÄTSZEUGNIS
CERTIFICATO D'IDENTITÀ** Nr. 344

Valable jusqu'au 11 mars 1929.
Gültig bis zum 11. März 1929.
Valevole fino al 11 marzo 1929.

Le présent certificat n'est pas valable pour le retour dans le pays qui l'a délivré sans une mention spéciale inscrite sur le présent document. Il est en effet valable si le porteur réside, à son moment quelconque, en Russie.
Dieses Zeugnis berechtigt nicht zur Rückkehr in das Land, von dem es ausgestellt wurde, es sei denn, dass dies besonders vermerkt ist. Die Gültigkeit dieses Zeugnisses ist nicht, wenn der Inhaber irgendwann nach Russland einreist.
Il presente certificato non è valable per il ritorno nel paese nel quale l'ha rilasciato, senza una menzione speciale sul documento. Esso cesserà d'essere valable, se il titolare penetra, in momento qualsiasi, in Russia.

Nom de famille: Antipoff
Familienname: Antipoff
Cognome: Antipoff
Prénoms: Albin
Vorname: Albin
Nome: Albin
Nom de famille du père: Antipoff
Familienname des Vaters: Antipoff
Cognome del padre: Antipoff
Nom de famille de la mère: Stoianoff
Familienname der Mutter: Stoianoff
Cognome della madre: Stoianoff
D'origine russe n'ayant acquis aucune autre nationalité.
Russischer Abstammung ohne eine andere Staatsangehörigkeit erworben zu haben.
D'origine russa senza aver acquistato un'altra cittadinanza.

Profession: Psychologue - Pédagogue
Beruf: Psychologe - Pädagoge
Professione: Giurista
Ancien domicile en Russie: Wahout in Russland
Führer Wahout in Russland
Antico domicilio in Russia: Wahout in Russia
Résidence actuelle: Genève
Oegenwärtiger Aufenthalt: Genève
Residenza attuale: Genève

SIGNALEMENT:
Age: 36 ans
Alter: 36 ans
Ela: 36 ans
Cheveux: châtains
Haut: châtains
Capelli: châtains
Yves: châtains
Auges: noires
Ochti: noires
Nose: droite
Naso: droite
Visage: ovale
Gesicht: ovale
Viso: ovale
Signes particuliers: —
Besondere Kennzeichen: —
Segni particolari: —

Observations: —
Bemerkungen: —
Osservazioni: —

Signature du titulaire: Albin Antipoff
Unterschrift des Inhabers: Albin Antipoff
Firma del titolare: Albin Antipoff

La souscription atteste l'authenticité de la photographie et de la signature apposée et c'est sous leur seule et seule responsabilité que le porteur du présent document est autorisé à entrer dans le territoire suisse.
Der Unterschriften bezeugt die Authentizität der Photographie und der Unterschrift des Inhabers.
Il sottoscritto attesta l'autenticità della fotografia e della firma del titolare.

Le Chef de la Division de Police:
Der Chef der Polizeidivision:
Il Capo della Divisione della Polizia: Jo. Cusani

Ce certificat est délivré conformément aux résolutions de la Conférence gouvernementale convoquée par le Dr. Nansen, Haut-Commissaire pour les Réfugiés Russes, à Genève, le 3-5 juillet 1922.
Dieses Zeugnis ist ausgestellt auf Grund der Beschlüsse der Regierungskonferenz, einberufen von Dr. Nansen, Hochkommissar für die russischen Flüchtlinge, Genf, 3.-5. Juli 1922.
Il presente certificato è rilasciato, conformemente alle risoluzioni della Conferenza governativa, convocata dal Dr. Nansen, Alto Commissario dei Profughi Russi, a Ginevra, il 3-5 luglio 1922.

Вид на жительство в Швейцарии. 1928

тельство, никто не мог поручиться, как окончится эта история и не придется ли Антиповой покинуть Швейцарию. Вероятно, неожиданно для самой Антиповой, эмиграция превращались в буквальное бегство и изгнание.

Как многие эмигранты, Елена Владимировна искала любую определенность и ради постоянной профессиональной работы была готова отправиться едва ли не куда угодно. «Просила Клапареда дать мне командировку на будущий год в Египет в новый институт, который он основывает теперь там», — сообщала она мужу. Рассматривала Антипова и испанский вариант работы, и американский. Причем последний казался вполне приемлемым, так как оттуда она могла вернуться в Швейцарию: «Обещали меня подождать и принять во всякое время». Немногие русские ученые-эмигранты могли похвалиться такой надежностью своих европейских тылов!

Перспектива странствовать и свободно передвигаться казалась заманчивой, «ибо ничто так не близко моей натуре, — писала Елена Владимировна, — как чувствовать себя свободной в пространстве и не знать межстранных границ». И когда в 1928 г. в Женеву приехал доктор Альберто Алвареш из Бразилии, подбиравший научный персонал для проведения реформы национальной образовательной системы, рекомендация профессора Э. Клапареда и собственная готовность Е. В. Антиповой отправиться через океан быстро решили дело, и в 1929 г. она покинула Женеву.

Стоит отметить, что Бразилия и бразильская система психологического образования были хорошо известны в Институте Руссо. Сам профессор Э. Клапаред приезжал в Бразилию в середине сентября 1930 г. «К несчастью, — сообщала Антипова мужу, — попал во время революции. Застрял здесь, в Bello Horizonte, на целый месяц больше того, что предполагал; чувствовал себя здесь неважно, так как впервые пришлось испытать революционный режим. К счастью, ничего непоправимого с ним не случилось (чуть-чуть пуля его задела), и он благополучно вернулся в Женеву». Действительно, для привыкших за четыре века к мирному спокойствию швейцарцев сложности бразильских реалий могли показаться избыточными. Неудивительно, что из всех сотрудников Института Руссо только пережившая русские революции и Гражданскую войну Елена Антипова решила остаться в Бразилии навсегда, передавая местным специалистам знания и методики, полученные в институте Клапареда, и расширяя сеть интеллектуальных, персональных и институциональных контактов, сформированных вокруг женевского института.

«Борьба за каждого живого»

Соглашаясь на временный контракт в далекой стране, Елена Антипова вряд ли имела хоть какое-то представление о трудностях, предстоящих ей на новом континенте и на новом поприще. В эти же годы другой русский эмигрант, барон Тизенгаузен, откровенно писал из Бразилии друзьям, желавшим перебраться в эту страну: «Многие приезжие через несколько лет уезжают обратно. Многие заболевают и умирают. Нужна сильная воля, необходимо отвыкать от всего, что мы называли цивилизацией, культурой, всеми удобствами. И нужно железное здоровье. <...> Я только тому советовал бы приехать сюда, кому никакой возможности нет устроиться в Европе».

Но то, что для военного означало «отказ от цивилизации», для креативного ученого открывало огромные возможности профессиональной реализации. Новогоднее письмо Елены Антиповой мужу (31 декабря 1928 г.) показывает, что она весьма прагматично оценивала свои перспективы и делала выбор, основанный на собственных приоритетах: «Приглашают меня по моей специальности: лекции по экспериментальной и детской психологии в учительский институт (женский); обследование детей начальной школы для распределения по различным классам (одаренных, неодаренных детей); организация педологического музея; редактирование педагогического бюллетеня — оба по-

следних учреждений являются концентрированием и результатом двух первых деятельности. <...> Контракт составляет между мной и бразильским правительством, с нотариальными формальностями и в Бразильском консульстве в Женеве. Второе обстоятельство тоже заставляет думать, что дело серьезно: этим же представителем одновременно приглашается ряд других сотрудников из Бельгии, Австрии, Франции, в частности, из Парижа едет на 3 месяца D-r Simon, тот самый, с которым мне пришлось работать в свое время в Париже. Чего еще бояться? Самый представитель производит впечатление человека серьезного, дельного и идеалистически настроенного — в том смысле, что он верит в наше и свое образование, свою страну, депутатом которой он был несколько лет тому назад, хочет поставить на должную высоту. Какие есть у меня основания отказать в этом столь лестном для меня предложении? Я насчитываю лишь одно: боязнь нового, но таковой я не знаю, и если да, то лишь в слабой степени, недостаточной для того, чтобы она была помехой».

К концу 1920-х гг. штат Минас-Жерайс стал одним из самых важных в Бразильской Федерации в экономическом и политическом отношении. Он занимал и занимает площадь, сопоставимую по размерам с территорией Франции. Большая часть населения штата жила в сельской местности, но начиная с 1920-х гг. города стали быстро разрастаться, а вместе с ними росли и проблемы в государственных школах. В 1927 г. в штате Минас-Же-

райс была проведена образовательная реформа, в числе прочего предполагавшая систематическое преподавание психологии в обычных школах, а также открытие Педагогического колледжа по подготовке преподавателей новых методов.

Сразу после приезда в Бразилию Е. В. Антипова приступила к преподаванию и созданию психологической лаборатории в Педагогическом колледже города Белу-Оризонти, которую возглавляла по 1945 г. Практически с нуля она начала организацию психолого-педагогической подготовки учителей для работы с детьми разных психологических категорий, а в психологической лаборатории разработала программу регулярных массовых психологических обследований бразильских детей для изучения их умственного развития, идеалов и интересов.

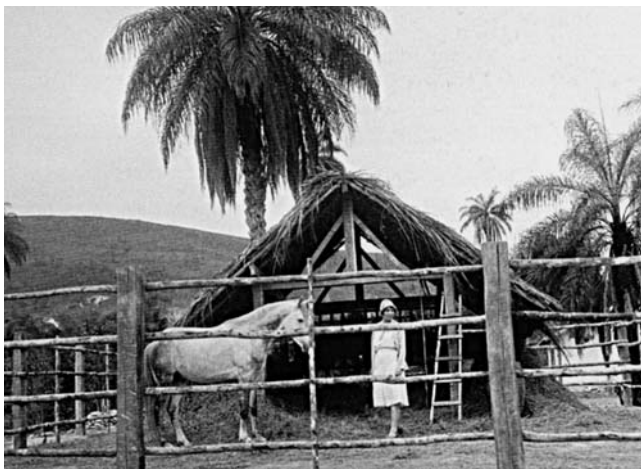
«Сейчас исследуя умственное развитие здешних детей, — писала она в 1931 г., — получаю интересные данные, сравниваю его с тем, что мы знаем о нем среди европейских и североамериканских детей. Наши тесты в конечном счете не столько исследуют умственную натуральную одаренность, сколько степень той цивилизации, в которой развивается и зреет ребенок. Конечно, особо одаренные дети или обиженные судьбой с рождения мыслимы вне среды. Но средний человек — это такое зеркало окружающих условий, что достаточно узнать, что такой ребенок — сын каменщика, сапожника, шофера, монтера, адвоката или инженера, что можно с небольшой ошибкой

Дом в Белу-Оризонти, в котором Е.В. Антипова жила в 1930-е гг. Фото М.Ю. Сорокиной

сказать, что он знает и что он может».

Антипова фокусировала свое внимание на социальных и культурных последствиях применения психологических методик в системе народного образования. С ее точки зрения результаты многих тестов следовало рассматривать как оценку уровня умственного развития данной выборки. Другой значимой для психолога проблемой был вопрос о природе интеллектуальных способностей: зависели ли они от врожденных способностей и возраста. В те времена врожденные

Е.В. Антипова. Бразилия. 1930-е

склонности отождествлялись с наследственностью, а под возрастом понимались уровни зрелости. Оба эти положения входили в общую теорию интеллекта. Однако, по мнению Антиповой, умственные способности были «более комплексным образованием, продуктом, получавшимся под воздействием нескольких факторов, среди которых, кроме врожденных предрасположенностей и биологической программы роста, стоит выделить сочетание характера и социальной среды, включая условия жизни и культуры, в которой ребенок развивается, а также обучение, образование и систему правил, которым подчиняется ребенок дома и в школе».

Придерживаясь такого объемного многофакторного понимания, Елена Антипова в дальнейшем выдвинула собственную концепцию приобретенного («цивилизованного») интеллекта. Она признавалась, что эта концепция начала формироваться еще в ходе работы по диагностике русских детей-сирот. Эти дети, хотя и набиравшие малое количество баллов по шкале Симона — Бине, не были умственно отсталыми. Им не хватало умения концентрировать внимание, с одной стороны, писала в одной из статей Елена Владимировна, а с другой стороны, их уровень абстракции был недостаточен для понятийного мышления. В то же время такие дети проявляли, по мнению Антиповой, изумительное умение справляться с конкретными заданиями из жизни. Их затруднения, считала она, скорее были следствием недостатков семейного воспитания и школьного образования в силу их социального происхождения, и это роднило ее выводы с культурно-исторической теорией Льва Выготского и его школы.

Придавая большое значение влиянию социальной среды на психическое развитие ребенка, Е.В. Антипова предложила при интерпретации данных тестирования учитывать пять факторов: опыт, культуру, социальную среду, индивидуальные способности и эмоциональное состояние. Социальная составляющая вообще стала одной из важнейших в психолого-педагогической практике Елены Антиповой. Вместе с группой местных католических священников, интеллектуалов и фи-

лантропов ей удалось учредить в 1932 г. Общество Песталоцци в Белу-Оризонти, которое должно было помогать «особенным» и малоимущим детям. Елена Антипова стала его первым президентом.

Учредители общества были достаточно разнородной группой. Священники, как, например, преподобный отец Альваро Неграмонте, смотрели на такую деятельность как на благотворительную работу, направленную на купирование конфликтов в обществе. Некоторые психиатры из Медицинской школы увидели в этом возможность для применения на практике методов евгеники для снятия вопроса умственной отсталости: они предлагали стерилизовать членов семей, в которых рождалось неполноценное потомство. Е. В. Антипова резко выступала против таких предложений и постоянно подчеркивала необходимость квалифицированной помощи детям с особенностями развития.

Более того, она считала, что понятие умственной неполноценности включало расстройства, не являющиеся ограничениями интеллектуальной сферы. Дети, тестовые результаты которых были низкими, могли также страдать от личностных проблем, связанных с начальными этапами социализации. Антипова понимала, что малоимущие семьи едва ли были в состоянии предоставить нужные условия для полноценного развития детей, и в большинстве случаев тесты на интеллект отражали симптом, за которым на самом деле был сокрыт синдром социальных и семейных трудностей, оставлявших на детях свой след.

Несмотря на большую устойчивость своего профессионального положения в Бразилии, чем в Швейцарии, к концу 1930-х гг. Елена Владимировна испытывала немалые трудности. Так, после государственного переворота 1937 г. администрация штата Минас-Жерайс отказала Антиповой в продлении контракта и месте преподавателя в Педагогическом колледже. Несколько лет спустя и сам колледж был упразднен и трансформирован в школу для управляющих органами народного образования, утратив функцию исследовательского центра проблем образования и организации экспериментальных форм обучения.

Еще более Антипову тревожила разлука с сыном. В 1936 г. в Берлине скончался Виктор Ирецкий. Расставшись в 1926 г., Антипова и ее муж уже никогда не были вместе, но по воле собственных желаний и убеждений хранили верность друг другу как родители и неизбежно близкие люди, оставаясь в регулярной переписке вплоть до последних дней жизни Виктора Яковлевича. Ценой долгой разлуки с родителями их сын получил хорошее образование во французском колледже Бовалон (Beauvallon), известном своими новаторскими идеями в образовании и скрывавшем на своей территории в годы Второй мировой войны еврейских детей. Восемнадцатилетний Даниил жил во Франции с бабушкой и собирался получать высшее образование в Париже. Между тем эмигрантское чутье подсказывало Елене Антиповой приближение новой мировой бойни и необходимость увезти

Библиотека Е.В. Антиповой. Современный вид.
Ибирите, Бразилия. Фото М.Ю. Сорокиной

Мемориал Е.В. Антиповой. Современный вид.
Ибирите, Бразилия. Фото М.Ю. Сорокиной

сына из Европы. И когда в 1937 г. она отправилась во Францию на Первый Международный психологический конгресс, ей удалось убедить Даниила уехать вместе в Бразилию. В начале пятидесятых Антиповы стали гражданами Бразилии.

В начале 1940-х гг., приняв решение навсегда остаться в Латинской Америке и поселиться в Бразилии, Е.В. Антипова при финансовой поддержке Общества Песталоцци занялась продвижением другого проекта — организацией образцовой школы для обучения детей с особенностями развития в сельской местности, что было очень актуально для такой аграрной страны, как Бразилия. Школа «Фазенда до Розарио» рядом с небольшим городком Ибирите, неподалеку от Белу-Оризонти, была открыта в 1940 г. Эта фарм-школа — самый крупный психолого-педагогический экспериментальный проект Е.В. Антиповой в Бразилии, она существует и по сей день, превратившись в большой современный интегративный комплекс.

Е.В. Антипова видела в школах источник демократизации. В отличие от своей гимназической подруги Лизы Пиленко — матери Марии, избравшей путь христианского служения Богу и миру, Елена Антипова, как многие представители российской интеллигенции начала XX в., своим главным инструментом преобразования мира сделала образование и его институты. Она с юности верила в науку и просвещение как важнейшие составляющие социального прогресса и считала доступное образование одним из самых эффективных

Е.В. Антипова. Бразилия. Вторая половина 1960-х

средств демократизации общественного пространства. Пережившая страшные годы войн и революций, Антипова через собственный жизненный опыт пришла к убеждению, что социальный баланс в обществе может быть достигнут только тогда, когда оно предоставляет каждому человеку возможность для развития его личностного потенциала.

В своих исследованиях психологического развития школьников Е. В. Антипова представила широкое разнообразие социокультурных типов учащихся, перевела эту разнородность на язык психологии и предложила такой тип школьной системы, который соответствовал различным потребностям детей. Однако многочисленные предложения Антиповой по реформе образовательного пространства Бразилии никогда не были полностью реализованы — политическая система страны многие десятилетия отвергала подобные идеи.

Тем не менее русскому психологу удалось многое сделать в этой стране. Приехав реализовывать профессиональный проект, Е. В. Антипова значительно расширила его содержание, наполнив внутренней энергией служения обществу и общественным идеалам, и стала подлинным Учителем для многих поколений бразильцев.

Масштабная организационная и образовательная практика в чужой культурной и языковой среде стала возможна благодаря тому, что в научной биографии Елены Владимировны Антиповой соединились русско-европейское психологическое

Могила Е.В. Антиповой. Ибириите, Бразилия. 2012.
Фото Н.Ю. Масоликовой

образование в духе функционализма Э. Клаппареда и естественного эксперимента А. Ф. Лазурского, идеология «борьбы за просвещение и правду» А. П. Нечаева, опыт психологических наблюдений за детьми в разных культурах, благополучных и кризисных, революционных обстоятельствах жизни, домашних и детдомовских условиях, многолетние научные и практические изыскания в области психотехники и интеллектуального тестирования, в частности исследования детских умственных способностей.

Елена Владимировна Антипова скончалась в госпитале Св. Луки в Белу-Оризонти 9 августа 1974 г. В последний путь ее провожали тысячи людей во

главе с губернатором штата Минас-Жерайс, заупокойное богослужение было проведено и в кафедральном соборе Рио-де-Жанейро.

Земная жизнь Елены Антиповой оказалась разделена на две равновеликие половины. Несмотря на вынужденную разлуку с родиной, она всегда оставалась русской. В одном из своих последних писем, на Преображение (6 августа), Елена Владимировна заметила: «Запах фруктов смешивается в церкви с запахом ладана и вместе со сладкими мелодиями византийского пения создает ту мистическую атмосферу, которая, воспринятая ребенком, остается до самой глубокой старости. Это я чувствую каждый год, в этот день — и это было так давно, в той далекой стране, где я родилась...»

Сегодня образ русского психолога Елены Антиповой узнаваем и почитаем не только в Бразилии, он занимает достойное место в пантеоне лучших мировых представителей гуманистической мысли XX в.

Приносим глубокую благодарность всем нашим коллегам, чья бескорыстная помощь, энтузиазм, поддержка и архивные исследования помогли воссоздать русские страницы жизни Е. В. Антиповой. Слова особой признательности — Н. Ф. Гриценко, С. Н. Ковальчук, Е. В. Кривовой, А. В. Марыняку, Н. Ю. Стоюхиной, а также дорогим зарубежным коллегам — профессорам Режине де Фрейтас Кампос (Бразилия) и Корин Амашер (Швейцария).

Участники Российско-бразильского Антиповского
коллоквиума в Доме русского зарубежья. Москва. 2012.
Фото А. Русаковой

Литература

Масоликова Н. Ю. Метрополия и диаспора в жизни психолога Елены Антиповой (1892–1974): русские корни бразильской судьбы // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры: V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 29–31 марта 2013 года). М., 2015. С. 229–242.

Масоликова Н. Ю., Сорокина М. Ю. Российские ученые-эмигранты в Латинской Америке: эффект Antipoffiana //

Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 19: Наука русского зарубежья. СПб., 2015. С. 27–35.

Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России / сост. Н. Ю. Масоликова, М. Ю. Сорокина. М., 2014.

Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 2: Психологические науки. XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. Н. Ю. Масоликова, М. Ю. Сорокина. М., 2010.

Российское научное зарубежье: биобиблиографический справочник / ред.-сост. М. Ю. Сорокина. М., 2011.

«Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Владимировны Антиповой / предисл., сост., подгот. текста и коммент. Н. Ю. Масоликовой // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. М., 2010. С. 363–384.

Antipoff D. Helena Antipoff: sua vida, sua obra. Belo Horizonte, 1996.

Campos R. H. F. Helena Antipoff. Recife, 2010.

Campos R. H. F. Helena Antipoff: psicóloga e educadora — uma biografia intelectual. Rio de Janeiro, 2012.

Campos R. H. F. Helena Antipoff: A Quest for Democracy and Human Rights with the Help of Psychological Science // Portraits of Pioneers in Developmental Psychology / eds. W. Pickren, D. Dewsbury, M. Wertheimer. N. Y., 2012. P. 51–66.

Edouard Claparède, Hélène Antipoff: Correspondance (1914–1940) / ed. M. Ruchat. Florence, 2010.

Масоликова, Н.Ю., Сорокина, М.Ю.

М-319 Русский апостол Бразилии: Елена Антипова, 1892–1974 / Наталья Масоликова, Марина Сорокина. — М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2018.— 96 с. : ил. — (Русское зарубежье в лицах).

ISBN 978-5-98854-067-0

В книге рассказывается о судьбе Елены Владимировны Антиповой (Hélène Antipoff; 1892–1974), выдающегося русско-швейцаро-бразильского психолога и общественного деятеля, автора эффективной системы психолого-педагогической поддержки одаренных детей и детей с особенностями развития. Вынужденно покинувшая большевистскую Россию в 1924 г., в эмиграции Е.В. Антипова занималась научными исследованиями в Женевском Институте Жан-Жака Руссо, затем, с 1929 г. до конца жизни, работала в Бразилии, став одним из лидеров психологии как науки и профессии в этой стране.

УДК 929

ББК 63.3(2)612

Научно-популярное издание

Масоликова Наталья Юрьевна

Сорокина Марина Юрьевна

Русский апостол Бразилии:

Елена Антипова

1892–1974

Редактор *М.В. Архиреев*

Корректор *О.А. Савичева*

Верстка *К.Е. Журавлев*

Подписано в печать 01.08.18. Формат 70х100/32.

Печ. л. 3. Тираж 500 экз.

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48

www.domrz.ru

ЗАО «Издательство “Русский путь”»

125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, оф. 64

Тел.: (495) 629-04-82

E-mail: info@rp-net.ru

Сайт издательства: www.rp-net.ru

Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»,

141260, г. Красноармейск, пр. Испытателей, д. 14